

8. Панасенко Н. И. Поэтический текст в зеркале культурологии (на материале русской и словацкой поэзии 19-20 вв.) / Н. И. Панасенко, Я. Влнка // Вісник Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. – № 13 (152). – 2008. – С. 215–224.
9. Папина А. Ф. Текст : его единицы и глобальные / Аза Феодосиевна Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
10. Сампилдэндэв Х. Монголын зан үйл, баяр ёслолын товчоон / Х. Сампилдэндэв, Н. Уртнасан, Т. Дорждагва. – 2007. – 145 с.
11. Швачко С. О. Перекладацькі трансформації у поетичному просторі / С. О. Швачко // *Studia Germanica et Romanica*. Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання : Наук. журнал. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – Т. 2. – № 1 (4). – С. 90–95.
12. Plisetskaya A. Translating as a linguistic, cognitive and communicative process (taken as example glossy media) / A. Plisetskaya. *Text Processing and Cognitive Technologies*. – № 11. – 2005. – P. 433–438.
13. Robinson D. *Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation* / D. Robinson. – L. : Routledge, 2003. – 301 p.
14. Shandagdorji D. *Introduction to Mongolian Art, Folk Tradition and Music* / D. Shandagdorji, P. Khorloo, N. Zantsannorov. – Режим доступу : [http://www. soundtransformations. btinternet.co.uk/ MongolianmusicShandagdorj.htm](http://www.soundtransformations.btinternet.co.uk/MongolianmusicShandagdorj.htm)

МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И ПЕРЕВОД: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ПЕТРОВИЧ М. А.

Пермский государственный педагогический университет

В настоящей статье представлена методика сопоставительного анализа способов актуализации реалий в текстах сказок на македонском (“Облогот со принцезата”) и болгарском языке (“Неволята”) и их переводов на немецкий язык. Перевод текста сказки с македонского языка на немецкий осуществлен Г. Димитровским, Е. Косаревой и И. Наумовской, а с болгарского на немецкий – Б. Ангеловым.

Под **реалиями** понимаются объекты мира, отображенные в тексте. Мы считаем возможным расширение спектра значений, приписываемых термину “реалия” в современных науках о переводе. Так, Н. Г. Гарбовский под реалиями понимает “предмет... действительности, существующий в мире исходного языка и не имеющий точных аналогов в культуре языка переводящего” [1, с. 232, 404]. Такое понимание реалии тождественно понятию “лакуна”, широко используемому в сопоставительных исследованиях языков. Наше же понимание реалии связано с этимологией этого слова. Этимологически слово “реальный” связано с латинским словом *res*, которое обозначает “вещь, предмет”, “факт, действительность”. Исходя из этого, подчеркнём, что предлагаемое нами толкование реалии исходит из относительного изоморфизма текста и мира. Объекты реальности получают отображение в тексте и функционируют в нём в виде объектов “возможного” (текстового) мира. Таким образом, реалия – это объект “возможного мира” и одновременно знак, замещающий объект реальности. Для практи-

ки интерпретации и перевода текста принципиально важно, что реалия – замещающий знак. В тексте “морфология” возможной реальности (В. П. Руднев) создается посредством системы реалий. В свою очередь, действительность “существования” реалий обеспечивается высокой степенью их актуализации.

Обратимся к феномену актуализации. Круг проблем, которые ставит перед исследователями явление актуализации, весьма широк. В процессе изучения актуализации происходит объединение исследовательских интересов учёных в области грамматики, семиотики, логики, философии, литературоведения. Статус философской и общегуманитарной проблемы феномен актуализации получает потому, что доступ к реальному миру осуществляется в языковой и текстовой форме. В философии актуализация понимается как процесс перехода идеальных сущностей в реальный мир [12, с. 15]; как процесс перевода единиц из виртуального существования в актуальное [4, с. 38].

На современном этапе развития филологических наук феномен актуализации привлекает внимание специалистов в области логической и лексической семантики, лингвокультурологии, теории интертекстуальности и т. д. Можно констатировать, что теория актуализации подошла к этапу, на котором оказывается необходимым комплексное описание механизмов актуализации. Частично такое описание представлено в настоящей статье.

Актуализация есть процесс трансформации языковых знаков в текстовые, который совершается в одновременности трех операций – номинации, предикации и локации. Ввиду того, что эти операции являются общесемиотическими и претендуют на статус универсальных при описании любого языка [7; 8], можно предположить, что их правомерно привлечь и для интерпретации результатов процесса перевода. Кроме того, сопоставительный анализ механизмов актуализации знаков в оригинальном и переводном текстах способствует уточнению представлений о полноте перевода, который остаётся одним из актуальных в теории и практике межкультурной коммуникации. Установление полноты / неполноты перевода связано со степенью сохранения системы реалий оригинального текста в переводном. Следовательно, данная модель позволяет установить *параметры сохранения* системы реалий, обозначающих элементы пространства, в переводном тексте. Итак, сопоставительный анализ механизмов актуализации предполагает последовательное обращение к результатам операций номинации, предикации и локации.

С помощью операции **номинации** реалия вводится в повествование. При анализе переводного текста с позиций номинации значимым, с нашей точки зрения, является анализ а) дополнительно введённых имён для обозначения элементов пространства и б) повторных номинаций, обозначающих элементы пространства в оригинальном и переводных текстах.

Посредством реализации операции **предикации** в тексте происходит приписывание имени реалии свойств, а также отображение отношений между реалиями. Внутренние предикаты – знаки для указания на свойства реалий, внешние предикаты предназначены для указания на отношения между реалиями. Сопоставительный анализ приписанных реалиям оригинального и переводного текста предикатов позволяет установить степень “эмпирической” доступности реалии интерпретатору перевода.

С помощью операции **локации** текстовые объекты размещаются в пространственно-временных координатах, а также соотносятся с фигурой говорящего / слушающего. Результатом этой операции становится объект, помещённый в пространственно-временные рамки, что увеличивает определённую интерпретации текста. Для описания степени локализованности реалии анализируется система актуализаторов различных уровней языка и текста. Анализируются лексико-грамматические актуализаторы (показатели категории определённости / неопределённости).

Предлагаемое разделение операций неизбежно носит искусственный характер, так как в процессах текстопорождения и интерпретации эти процедуры взаимосвязаны между собой. Разделяя операции номинации, предикации и локализации, мы демонстрируем *алгоритм* актуализации реалий и, соответственно, алгоритм анализа результатов актуализации.

Обратимся к анализу, в ходе которого нами последовательно будут интерпретироваться способы актуализации реалий посредством операций номинации, предикации и локализации.

С помощью операции **номинации** реалия вводится в повествование. При анализе переводного текста с позиций номинации значимым является установление того, вводятся ли в нём дополнительные реалии. Безусловно, их введение в “большинстве случаев мотивировано не контекстом, а интенцией переводчика”, в том числе и его стратегией [5, с. 71]. В переводоведении добавление интерпретируется как “семантическая трансформация, заключающаяся во введении в текст перевода семантических компонентов, не имеющих эксплицитного выражения в тексте оригинала” [6, с. 75].

При анализе переводных текстов зафиксирован лишь один случай введения дополнительной реалии в переведённый на немецкий язык текст болгарской сказки. Здесь “новой” является реалия *Grass* (“травы”). Так, в оригинальном тексте сообщается, что братья отпускают волов пастись: “Пуснале воловите да пасшат” [11, с. 54] (“Отпустили своих волов пастись”). Переводчик на немецкий язык кодирует эту информацию так: “*Sie spannten Ochsen aus, damit sie Grass fressen konnen*” [11, с. 52] (“Они распрягли волов для того, чтобы те смогли поесть **травы**”). Можно предположить, что в этом случае введённая реалия есть результат избыточности, возникающей в процессе кодирования информации. Однако данный пример не является репрезентативным в силу его единичности.

Большой интерес представляет интерпретация операции **предикации**, поскольку, как показал анализ, именно предикаты оказываются самой “нестабильной” системой переводных текстов. Обратимся к анализу системы **внутренних предикатов**, актуализирующих реалии текстов сказок посредством приписывания им **свойств**. Перевод на немецкий язык болгарской сказки демонстрирует следующую тенденцию: в нём опускаются внутренние, а именно характеризующие, предикатные знаки, которые содержатся в тексте оригинала. Например, в болгарской сказке сообщается, что братья были быстрыми, ловкими, проворными (пъргави): “Разтичали се двете **пъргави** момчета, намерили сух дрян” [11, с. 55] (“Кинулись бежать эти двое **проворных** парней и отыска-

ли сухой кизил”). В переводном же тексте это ситуация представлена следующим образом: “*Die Söhne fanden einen trockenen Kornelkirschbaum*” [11, с. 53]. (“*Нашли сыновья сухой кизил*”). На наш взгляд, подобное опущение предиката, который индивидуализирует реалию (братьев) в тексте оригинала, обусловлено стремлением переводчика к типизированному отображению сказочного мира.

Схожий механизм типизации представлен и посредством противоположной процедуры – посредством введения в перевод предиката, отсутствующего в тексте оригинала. Поясним сказанное, иллюстрируя примером из македонской сказки и её переводом. В этом тексте главный герой обозначается и как момчето (“*юноша*”), и как младиот човек (“*молодой человек*”). Эти номинации сохраняются и в переводном тексте, в котором герой представлен и как *der Junge* (“*юноша*”), и как *der junge Mann* (“*молодой человек*”). Однако интерес представляет ситуация, когда царский слуга рассказывает герою о том, что много мужчин (неважно каких) пытались добиться руки принцессы: “*Многу мажи се обидоа <...>*” [11, с. 49] (“*Многие мужчины пытались <...>*”). В переводном тексте эта ситуация представлена как такая, в которой “*Viele junge Männer haben das Versuch <...>*” [11, с. 49] (“*Многие молодые мужчины пытались <...>*”). Тем самым переводчики на немецкий язык подчеркивают типичность ситуации и вводят внутренний предикат *junge* (“*молодой*”) для характеристики всех мужчин, сватавшихся к царской дочери. В переводе герой стал частью класса “*молодых*” мужчин, в оригинале же юный возраст героя как раз и отличает его от прочих.

Таким образом, посредством введения и опущения внутренних предикатов авторы стремятся к отображению мира сказки как предельно типизированного универсума. Та же тенденция прослеживается и при сопоставительном анализе **внешних предикатов** (знаков, указывающих на отношения, связи между сказочными реалиями) оригинальных и переводных текстов. При этом зачастую такие предикаты, как правило, опускаются из сказочного повествования. Многочисленные опущения внешних предикатов наблюдается и в переводе болгарской сказки на немецкий язык. Так, в оригинальном тексте, в котором, как отмечалось выше, подчёркивается ловкость и проворство героев, представлена последовательность действий, совершаемых братьями: “*разтичали се двете пѣргави момчета, намерили сух дрян, отсекли го, издялали го хубаво, направихи нов теглич и го сложихи на мястото*” [11, с. 55] (“*кинулись бежать эти двое проворных парней, нашли они сухой кизил, вырезали и выделали его хорошенько, сделали новое дышло и прикрепили его на место*”). В переводном же тексте действия схематизируются, и экспликации подлежит лишь “*результат*” их трудов – отремонтированная телега, а не сам процесс её ремонта. Ср.: “*Die Söhne fanden einen trockenen Kornelkirschbaum, schnitzten eine neue Deichsel und reparierten den Wagen*” [11, с. 53] (“*Сыновья нашли сухой кизил, вырезали новое дышло и отремонтировали свою телегу*”).

Итак, анализ механизмов актуализации реалий посредством операции предикации показывает, что переводчики стремятся к схематичному изображению сказочной действительности, представленной в южнославянских текстах. Этим и обуславливается то, что они избегают предикатов, направленных на детализацию действия или личностных свойств персонажа.

Операция **локации**, посредством которой текстовые объекты размещаются в пространственно-временных координатах, а также соотносятся с фигурой говорящего / слушающего, вновь демонстрирует выявленную **тенденцию к возрастанию степени типизации в переводных текстах**. Так, обратившись к конструированию временных рамок в тексте перевода болгарской сказки на немецкий язык, отметим, что переводчик намеренно вводит наречие с семантикой неопределённости, – когда-то (однажды) (**einmal**). Можно предположить, что здесь автор перевода на немецкий язык руководствуется воспроизводимой сказочной формулой “Жил-был когда-то” и “применяет” её в немецком переводе сказки “Неволята” с целью “адаптации”. Так, зачин оригинального текста таков: “*Един дървар имал двама сина*” [11, с. 54] (“*У одного дровосека было двое сыновей*”). Переведённый, “адаптированный”, вариант, в котором подчёркивается сказочная временная неопределённость, предстаёт в следующей форме: “*Es war einmal ein Holzfäller, der hatte zwei Söhne*” [11, с. 52] (“*Жил-был когда-то один дровосек, и было у него двое сыновей*”). Можно предположить, что в переведённом на немецкий язык текст болгарской сказки значение неопределённости сопровождает и ситуацию, в которой отец говорит своим сыновьям: “*Heute geht ihr alleine in den Wald, um Holz zu fällen, weil ich sehr müde bin*” [11, с. 52] (“*А сегодня, сынки мои, сходите-ка по дрова в лес сами, уж очень я устал*”). Переводчик счёл уместным пропустить локализатор **къща** (“дом”), который имеется в оригинальном тексте, и поставить акцент, прежде всего, на поручении отца и на его усталости, тогда как в сказке “Неволята” просьба формулируется следующим образом: “*Хайде, идете сами в гората за дърва, а пък аз ще остана в къщи да почина, защото много се обяхтах*” [11, с. 54] (“*Давайте, сынки, сходите-ка по дрова в лес сами, а я останусь дома (букв. в доме) да отдохну, уж очень я устал*”).

Следовательно, операция локации, посредством которой актуализируются пространственно-временные координаты сказочного текста, демонстрирует, что переводчик текста болгарской сказки стремится к типизации сказочных локусов и к использованию фольклорных формул в целях адаптации. Перевод на немецкий язык македонской сказки показал, что в нём предельно точно воспроизводятся указания на элементы пространства и временные отрезки, содержащиеся в оригинальном тексте.

Таким образом, предлагаемая нами модель анализа актуализации реалий, применённая для сопоставительного изучения системы реалий оригинальных и переводных текстов, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, при переводе македонского и болгарского текстов на немецкий язык авторам удалось сохранить систему реалий оригинальных текстов. В этом смысле реалии можно рассматривать как константы текста, то есть те элементы, которые остаются неизменными при переводе.

Во-вторых, наиболее «изменчивым» классом в переводных текстах сказок оказываются предикатные знаки, то есть те, которые актуализируют реалии посредством приписывания им качеств или служащих для отображения отношений между реалиями. Как показал анализ, опущение или введение внутреннего или внешнего предиката направлены на типизацию реалии. Возможно, это свя-

зано с тем, что переводчики на немецкий язык стремились адаптировать тексты сказок к немецкой культуре, придать им большую “сказочность”, поскольку, перевод – это, прежде всего, “стратегия, стремящаяся на другом языке произвести то же воздействие”, что и оригинальный текст [10, с. 352]. В то же время это может быть связано и с преобладающим характером отображения в сказке, – индексально-иконическим, что позволяет сказочный текст рассматривать как “жёстко структурированный” [9], или как текст с “жёсткой” организацией [2; 3]. Считается, что адаптивный перевод таких “жёстких” текстов, как сказка, “признаётся оправданным... и соблазнительным в силу их безавторности, то есть беззащитности” [3, с. 74]. Можно предположить, что предлагаемая нами модель анализа механизмов актуализации системы реалий в переводном тексте, возвращает “права текста” (У. Эко) как оригинального, так и переводного, поскольку позволяет не только установить характер трансформаций единиц различного уровня, но и обосновать их роль и уместность в переводческой стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода / Николай Константинович Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. Гиндин С. И. Внутренняя организация текста (элементы теории и семантический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Гиндин. – М., 1972. – 23 с.
3. Клюканов В. Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование / Игорь Энгелевич Клюканов. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1998. – 100 с.
4. Мартин Б., Рингхем Ф. Словарь семиотики / Б. Мартин, Ф. Рингхем. – М. : Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010. – 256 с.
5. Нуриев В. А. Добавление в художественном переводе: приём или ошибка? / В. А. Нуриев // Вопросы филологии. – 2007. – № 2 (26). – С. 67–73.
6. Семёнов А. Л. Основные положения общей теории перевода / А. Л. Семёнов. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 99 с.
7. Степанов Ю. С. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. – Вып. 4. – Т. XXXII. – 1974. – С. 340–355.
8. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М. : Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010. – 336 с.
9. Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом : референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста / О. Е. Фролова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 320 с.
10. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Умберто Эко. – СПб. : “Симпозиум”, 2006. – 574 с.
11. Märchen und Geschichten aus Ost- und Südosteuropa : Das Schloss zwischen Himmel und Erde / Ein Projekt im Rahmen Des Theodor-Heuss-Kollegs der Robert Bosch Stiftung / Red. A. Hetesi, A. Kuka, N. Pinchuk, S. Siritonina. – Berlin, 2004–2005. – 138 s.
12. Metzler Philosophie Lexikon. Begriffe und Definitionen / Hrsg. von P. Prechnlund, F.-B. Burkard. – Stuttgart-Weimar : Metzler, 1999. – 685 s.